

Шеврикука,
или Любовь
к привидению

Из собрания сочинений

Альтист Данилов
Аптекарь
Шеврикука, или Любовь к привидению
Камергерский переулок
Солёный арбуз
После дождичка в четверг
Происшествие в Никольском
Бубновый валет
Лягушки
Земля имеет форму чемодана

Владимир Орлов
Из собрания сочинений

ШЕВРИКУКА, ИЛИ ЛЮБОВЬ К ПРИВИДЕНИЮ

ФТМ

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-66

Орлов, В.

О-66 Шеврикука, или Любовь к привидению / В. Орлов.
– М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 856 с.

ISBN 978-5-521-74649-1

Третий роман Владимира Орлова «Шеврикука, или Любовь к привидению» из авторского сборника мистических романов «Останкинские истории» с блеском объединил мистику и социальную сатиру в истории о московских домовых, привидениях и судьбах обычных жителей Останкино в самые переломные моменты, когда каждый из них ставится перед выбором как жить дальше.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
BIC FA
BISAC FIC009000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
ISBN 978-5-521-74649-1 © Текст. В. Орлов, 2018

1

В Останкине, как известно, живут коты, псы, птицы, тараканы, люди, демоны, ведьмы, ангелы, привидения, домовые и иные разномыслящие существа. Среди прочих и Шеврикука.

Домовым Шеврикука был приписан к зданию № 14 по 5-й Ново-Останкинской улице. Дом этот тянулся (и нынче тянется), не перегибаясь в спине, почти от улицы Цандера до Аргуновской. От созидателей он получил почтительный титул «Дом-корабль», в обществе же назывался «Землескребом». Если бы нашлись умельцы и поставили дом № 14 на попу, имелись бы основания считать его небоскребом. Но умельцы в ту пору добывали прокорм в Атлантик-Сити, Осаке, Абиджане, местные же труженики смогли лишь разложить новое останкинское жилище по земле, и Шеврикука получил в нем должность домового-двухстолбового. Название должности вывел, и, видно, натошак, какой-нибудь Почеши-Затылок или Раздолбай-Компьютер, задрипанный канцелярист с пятнами от фломастера на ушах, Шеврикуке скучно было его произносить. Хотя должность его и считалась на три степени выше пустячной. Но ее ли был достоин Шеврикука? Вот тебе раз, пеняли ему, и так вовсе не дом в три оконца из гнилых уже бревен, с летними капризами мух, с душевными томлениями угасающего сверчка, со злющей старухой владелицей был уготован ему, а два столба в Землескребе, два подъезда о девяти покоех, этажах то бишь, с четырьмя квартирами при каждой двери лифта. Что врут, ворчал Шеврикука, откуда нынче три оконца? А в кураже он ерепенился, шуршал, шумел, он-де мог бы держать весь дом. «Ну вот, —

замечали ему. — А куда же девать кадры?» Кроме Шеврикуки, поставлены были в Землескреб, по причине его протяженности, еще восемь домовых-двухстолбовых. Шесть из них, судя по ведомости, размусоленной все тем же невидимым канцеляристом, Почеши-Затылок, Дать-Ему-В-Рожу, Раздолбай-Компьютер, были и не коренными, московскими, а вывезенными из поселений, оказавшихся под водой. Вода, скорее всего, имелась в виду историческая. «Своих, что ли, не хватает? Мало ли в Москве домов рушат! — возмущался Шеврикука. — Зачем же еще и из далей завозить?» «Подрежьте в холодильнике, — говорили ему. — Экий вы горячий». А дальних не только завозили, иные из них пристраивались сами, сами пробивались из мест опустевших, помятых, погоревших, потопленных или осознающих себя помятыми или потопленными. Москва им представлялась в их запечьях и закутках Вертоградом многоцветным, где и стоило осуществлять служебное рвение, растеплять потухшие было привычки и предания в надежде, что тут-то — и нигде более — накормят пряником и наградят серебряной ложкой. Шеврикука не был высокомерен, сам когда-то в пору затей государя Алексея Михайловича и просвещенного боярина Ордина-Нащокина приехал в первопрестольную в обозе из-под Можайска, в мешке с горохом, но уравнивать себя с новоприобретениями столицы, на его взгляд, неумехами, однако наглецами, не имел сил. Оттого порой его числили в оппозиции и в засаде. Впрочем, причину тут выводили неверно, на домовых из соседних подъездов Шеврикука серчал нечасто и по делу, а так в отношении к ним был ровен и терпелив. Недовольства его и ворчания проистекали от иных досад.

Потянул бы он весь Землескреб. Почему бы и не потянуть? При нынешней-то нетребовательности москвича,

напуганного смутой жизни, непременно потянул бы. Если бы захотел. Если бы его попросили. Но никто не просил. И не всякую просьбу Шеврикука согласился бы уважить. Если бы стали его улещивать останкинские чины и краснобаи, он бы их унизил отказом. А те, чье расположение могло оказаться и уместным, не просили. Хуже того, было известно: те-то — не все, но один из тех — в разговорах, возможно, и печать налагающих, называли Шеврикуку плутом, лодырем, вралем, пройдохой. Еще и пронырой. И еще — бузотером. Ну ладно бы просто называли. Мало ли чего не наговорят сгоряча болтуны, пусть и самые рукодержащие. А то ведь и расставляли для него шлагбаумы. Может, даже и капканы, коли не брезговали охотничьим промыслом. Впрочем, капканами Шеврикука мог себя наградить и в мечтаниях. Кто он был таков, чтобы ставить ему капканы? «А вот таков! Таков! — раззадоривал себя Шеврикука. — Что и капканы закажут!»

Должен заметить, что среди прочих комплиментов слова «плут» и «проныра» менее всего обижали Шеврикуку. Ну плут, ну проныра — и что здесь дурного? Это именно в пятистенке с котом на печи, со сверчком, с хозяином, его женой и чадами был хорош тишайший лежебока, лишь бы дом благоденствовал и не прыгали бы по столу миски с борщом. А нынче-то, когда обслуживать приходится и не людей, не жильцов на Земле, а квартиросъемщиков, персонажей дэзовских бухгалтерий, с излишеством набитых в братских подъездах, друг от друга отличающихся фотоликами на карточках покупателей, натурами скандальными, как нынче-то не крутиться плутом и пронырой? Много ли выйдет проку без плутовства и пронырства? То-то и оно. А он, Шеврикука, был способный... И слово «враль» его не особенно раздражало. Ну враль, а кто теперь не враль?

Хотя деликатнее и справедливее было бы аттестовать его фантазером. Или даже мечтателем. С воображением. Но то, что его отнесли к лодырям и лоботрясам, было Шеврикуке досадно. Сами кто они будут, аховые работнички! Только что дадено им носить в парадные дни кружевные воротники, штаны с витым шнуром-сутажом, а если парадные дни зимние — валенки, подшитые тремя слоями красной галошной резины и утепленные внутри кроличьим мехом. И опять же ходят легенды об их парадных бязевых кальсонах, будто бы они на гусином пуху и украшены сердитыми желтыми цветами с жостовских подносов. Да, унижать квартальных домовых, обзывать их, топтать на них ногами в этаких валенках и кальсонах им дозволено статусом. Но дообзываются и дотопаются.

Ну, предположим, теперь он лодырь и лоботряс. Оттого что надоело. Обрыдло. Сам себе позволил быть лоботрясом. Что нынче усердствовать в Останкине? Главное — не разрешить себе воровать, до этого Шеврикука еще не добрел и вряд ли добредет. Но судить о его сути, лоботряс он или не лоботряс, мог лишь он сам, а не всякие жующие пастилу чины с плоеными кружевами у шей (от испанских грандов, что ли, или от лотарингских гуманистов? Кому-то ведь, начитанному, ударило в голову, и зазвенели коклюшки). При этом, конечно, Шеврикука соображал, что, если бы его попросили и призвали, он бы и брыжжи одобрил, и валенки, и парадные кальсоны, но не призывали негодяи, отцы-командиры, держали в Землескребе, числили лодырем и все же наверняка ставили ему капканы. А ведь даже теперь при всех числителях и знаменателях судьбы Шеврикуки его подъезды в Землескребе были самыми опрятными. Знать об этом кому следует полагалось.

Удивительно опрятными. И не из-за намеренных напря-

жений Шеврикуки. Просто сам он был опрятен, таким сложился в ходе воспитания чувств и привычек. Возникали недоумения с мылом, зубными пастами, мужскими одеколонами, дезодорантами, и Шеврикука страдал. Хорошо хоть рядом произрастал Ботанический сад с травами и кореньями. Правда, на варево лечебных и чистых снадобий требовалось время. Шеврикука клял отечественную парфюмерную промышленность, бывшую в пору энтузиазма Трестом Жиров. «Где теперь наши знаменитые духи «Красная Москва», они же до Учредительного собрания — французские, «Подарок императрице», где их флакон с красной бумажкой? Ни духов, ни флакона!» — гневно восклицал Шеврикука. И варил снадобья, не торопя жидкость. Зачастил и в баню. Благо новые либеральные установления предполагали полуденные отгулы за ночные труды. А Шеврикуке хватало и часа полтора сна в календарные сутки. Впрочем, и прежде, даже и при самых коварных порядках, он находил способы путешествий в парную. Хоть бы и прикинувшись березовым веником.

Опрятной была и одежда Шеврикуки, тем более что он добывал ее из воздуха. Когда-то Шеврикука (звали его иначе) и сухой горошиной мог проехать в мешке из можайского села Колычево в стольный град. Были времена, и не столь отдаленные, когда домовым и некоторым иным существам было предписано рожу человеку не казать, фигуры не иметь, внешним видом никого не пугать и не очаровывать, а лишь невидимо производить звуки и перемещать предметы. «А русалки? — роптали домовые на сходах. — Им можно! У них всего в обилии. И там, и тут. И чешуя. А что они умеют, кроме как щекотать? А лешие, а водяные! У них в сырости и в туманах фигуры, пожалуйста, проступают...» «Русалки нас не касаются, — разъясняли

смутьянам. — Это потопшие девы... А лешие и водяные и обязаны пугать смутными фигурами». Понятно, что выражения недовольства и отпора ему приводятся здесь чрезвычайно упрощенные и простодушные, а домовые были вовсе не амебы и не инфузории. Впрочем, что мы знаем толком и про амебы с инфузориями?..

Но жизнь-то человека катилась, кувыркалась, неслась, отправляя высокомерием заблуждений домовых вместе со всякими костяными ногами, мальчиками-с-пальчик, обижающими людоедов, в фольклорные издания, в сноски к заключениям ученых умов, в мельтешение цветных картинок на экранах ради потехи детишек, и Шеврикука все чаще и чаще позволял себе, глаз кося на крутые предписания, гулять по Москве в человеческом подобии. Да разве он один! И никого своим присутствием он не смущал. Этот когда-то лишний человек в деревне, в слободе, еще в сороковые годы даже и в Москве, во дворах нашего Напрудного переуллка и уж тем более в коммунальной квартире, вызывал любопытство и требовал разъяснений. Но сколько в столетии случалось столпотворений, перемещений народов, несурязиц с брожением умов и населения, погоняний кнутом и револьвером, каш людских, в коих удачникам полагалось ходить по головам, телам и душам. При них никаких разъяснений от лишних существ не требовалось. Словом, немало Шеврикука получил уроков прилежания и поведения. А теперь-то, когда Москва уже и не проходной, а пролетный двор, сосуд суеты, куда можно плюнуть, но плюют на тротуар; скопище людей, где сосед не знает соседа, где полно заезжих зевак, добытчиков с сумой на колесах, трибунов при микрофонах, командированных усовершенствователей народного блага, негодяев с автоматами, ножами и взрывными устройствами, виртуозов наперстка, летучего жулья,